

Научная статья
УДК 821.161.1.09“1917/1992”
DOI: 10.15393/j9.art.2021.9402

Утопия как антиутопия (повесть Андрея Платонова «Хлеб и чтение»)

М. В. Заваркина

*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: mvnikulina@mail.ru

Аннотация. В статье проанализирована повесть А. Платонова «Хлеб и чтение», которая является первой частью незаконченной трилогии под названием «Технический роман». Рассмотрены разные подходы к анализу антиутопической стратегии писателя, а также уточнены некоторые термины, связанные с внутрижанровой типологией его произведений (утопия, антиутопия, метаутопия, дистопия, какотопия), что до сих пор является предметом споров в платоноведении. В статье предложен новый взгляд на данную проблему и сделан вывод о том, что повесть характеризуется сложным конфликтом утопии и антиутопии, а именно: утопическое сознание воплощается в форме антиутопии, что приводит к амбивалентности смысла, к появлению внутренних антиномий. Это проявляется в названии повести, эпиграфе, особом типе сюжетной ситуации, в построении системы персонажей. Для творчества Платонова характерна не только проблема взаимоотношений человека и природы, но и человека и техники, которая оказывается включенной в антропологическую картину мира и приобретает человеческие черты. Герои Платонова мечтают о том времени, когда техника, природа и человек будут пребывать в гармоничных отношениях, помогая друг другу в преодолении всеобщей энтропии. Важную роль в повести играет традиционный для поэтики произведений Платонова мотив строительной жертвы: в мире недостроенного социализма, без достаточного количества «хлеба и чтения», рано и стыдно думать о личном счастье. В произведении отразились надежды и сомнения самого Платонова, и если «принцип надежды» (Э. Блох) является основным принципом утопического сознания, то сомнения писателя становится основной чертой его антиутопической стратегии. С одной стороны, это затрудняет уточнение жанра повести (утопия или антиутопия), с другой — приводит не к «разбалансировке» сил, а к краткому осознанию писателем места человека в мире и его ограниченных возможностей. Важную роль играет и тот факт, что второй частью трилогии должна была стать повесть «Ювенильное море», а третьей, возможно, повесть «Джан»: все три произведения не только дополняют, но и как бы «поясняют» друг друга. В финале повести «Хлеб и чтение» герои остаются ориентированными на «дальнего», пребывают в пространстве все той же утопической мечты. Вероятно, так и не найдя выход из «тупика утопии», Платонов оставляет «Технический роман» незавершенным.

Ключевые слова: А. Платонов, «Хлеб и чтение», повесть, «Технический роман», утопия, антиутопия, дистопия, какотопия, метаутопия, стратегия творчества

Для цитирования: Заваркина М. В. Утопия как антиутопия (повесть Андрея Платонова «Хлеб и чтение») // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 2. С. 326–352. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9402

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2021.9402

Utopia as an Anti-Utopia (Andrey Platonov's Short Novel *Bread and Reading*)

Marina V. Zavarkina

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: mvnikulina@mail.ru

Abstract. The article analyzes A. Platonov's short novel *Bread and Reading*, which is the first part of an unfinished trilogy called *Technical Novel*. Different approaches to the analysis of the writer's anti-utopian strategy are considered, and certain terms related to the intra-genre typology of his works, which are still the subject of controversy in Platonov studies, i.e., utopia, anti-utopia, metautopia, dystopia, and cacotopia are clarified. The article offers a new perspective on this problem and concludes that the short novel is characterized by a complex conflict between utopia and anti-utopia, namely, utopian consciousness is embodied in the form of anti-utopia, which leads to the ambivalence in meaning and the appearance of internal antinomies. This mainly revealed in the title of the short novel, the epigraph, a special type of plot situation and the character system structure. Platonov's work is characterized not only by the problem of the relationship between man and nature, but also that of between man and technology, which becomes a part of the anthropological worldview and acquires human features. Platonov's characters dream of a time when technology, nature and man are in a harmonious relationship, helping each other overcome universal entropy. The motif of construction sacrifice, traditional in the poetics of Platonov's works, plays an important role in the short novel: it is premature and shameful to think about personal happiness in the world of socialism that has not yet been built, without enough "bread and reading." The work reflects Platonov's own hopes and doubts, and if the "principle of hope" (E. Bloch) is the main principle of utopian consciousness, then the writer's doubt becomes the main feature of his anti-utopia strategy. On the one hand, this makes it difficult to identify the genre of the short novel *Bread and Reading* (utopia or anti-utopia), on the other, it does not lead to an "imbalance" of forces, but, rather, to a meek awareness of the place of man in the world and his limited capabilities. An important role is also played by the fact that *The Juvenile Sea* was supposed to become the second part of the trilogy, and *Dzhan* may have made up the third part: the three works not only complement, but also "explain" each other.

In the finale of *Bread and Reading*, the characters remain focused on the “distant,” as they stay in the same utopian dream space. Likely never having found a way out of the “impasse of utopia,” Platonov leaves *Technical Novel* unfinished.

Keywords: A. Platonov, “Bread and Reading”, short novel, “Technical Novel”, utopia, anti-utopia, dystopia, cacotopia, metautopia, creative strategy

For citation: Zavarkina M. V. Utopia as an Anti-Utopia (Andrey Platonov's Short Novel “Bread and Reading”). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 19, no. 2, pp. 326–352. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9402 (In Russ.)

В первой половине 1930-х гг. А. Платонов написал пять повестей, из которых самой последней в научный оборот была введена повесть «Хлеб и чтение» (1930–1931 г.). Н. В. Корниенко считает, что повесть готовилась писателем также как первая часть трилогии под названием «Технический роман»; второй и третьей частью должны были стать повести «Ювенильное море» (1931–1932) и «Инженеры» (пока не обнаружена): все вместе они охватили бы продолжительный отрезок времени «прошлое — настоящее — будущее» [Корниенко, 2000: 741]. В архиве ИРЛИ (Пушкинский Дом РАН) хранится папка с материалами к повести «Джан», в которой «наиболее крупным фрагментом является текст под названием “Инженер”» [Колесникова: 257]. Е. И. Колесникова предположила, что замысел повести «Инженеры» имел первоначальное название «Инженер» и что в данном тексте дана «не вошедшая в окончательный» вариант «предыстория отца Назара Чагатаева — Ивана Чагатаева» [Колесникова: 257].

Фрагменты «Технического романа» (первую часть — повесть «Хлеб и чтение») обнаружил в 1990 г. в архивах Лубянки В. Шенталинский (они были изъяты при обыске у Платонова в 1933 г.) и опубликовал их в 1991 г. в приложении к журналу «Огонек»¹. В фабульном отношении повесть «Хлеб и чтение» совпадает с рассказом «Родина электричества», и Шенталинский предположил, что рассказ стал «зерном», из которого позже выросла повесть [Шенталинский: 286]. Н. В. Корниенко, анализируя рукопись, предложила обратную хронологию: повесть «Хлеб и чтение» была переделана Платоновым в рассказ «Родина электричества» для журнала «Индустрия социализма»

в 1939 г. [Корниенко, 2000: 740]². В четвертом выпуске «“Страны философов” Андрея Платонова» (2000) представлена публикация повести как первой части «Технического романа»³, позже этот вариант лег в основу публикации повести в Собрании сочинений писателя (2011)⁴.

Поскольку трилогия не была завершена Платоновым, то в данной работе мы будем писать о повести «Хлеб и чтение», однако в некоторых современных исследованиях анализируется именно «Технический роман» (см.: [Чебаров, 2012], [Каминский]), хотя подразумевается при этом только его первая часть — «Хлеб и чтение». На наш взгляд, это не совсем корректно и, во-первых, ведет к жанровой путанице (повесть, роман), во-вторых, создает впечатление, что у Платонова было несколько похожих произведений (см., например, комментарий к публикации повести «Хлеб и чтение» в Собрании сочинений писателя: «Текст повести перекликается с написанными в это же время рассказом “Родина электричества” и “Техническим романом”» [Малыгина, Матвеева: 556]).

Исторический контекст повести «Хлеб и чтение» известен: она написана во время празднования 10-летия со дня принятия на восьмом Всероссийском съезде Советов (22–29 декабря 1920 г.) плана ГОЭЛРО (см. об этом: [Корниенко, 2000: 741]). Начало 1920-х гг. было временем активного становления Платонова не только как писателя, журналиста, но и как рабочего-мелиоратора и электротехника. В начале 1920-х гг. Платонов выступает в печати со статьями об электрификации, некоторые из них были посвящены проектам электростанций (более подробно см.: [Антонова]). В 1921 г. публикуется его брошюра «Электрификация», имеющая значение и для сюжета повести «Хлеб и чтение», главный герой которой, Семен Душин, также готовит доклад об электрификации. В повести отразились реалии голода 1921 г., произведшего на самого Платонова очень сильное впечатление⁵. Таким образом, время работы над повестью и время действия в произведении отделены друг от друга десятилетием. Писатель словно испытывает свои юношеские надежды, проверяет социалистическую действительность на прочность и истинность. Это приводит

к усложнению жанра произведения, а именно: повесть приобретает черты как утопии, так и антиутопии.

Проблеме внутржанровой типологии утопии в творчестве А. Платонова посвящено множество исследований (их обзор см.: [Заваркина, Храмых]). Название монографии Х. Гюнтера «По обе стороны от утопии» наиболее точно отражает сложную природу утопизма писателя: «...понять предпосылки и закономерности этого до сих пор еще небывалого жанра — утопии-антиутопии» у Платонова [Гюнтер: 5] — одна из задач современного платоноведения. Взгляды исследователей разделились: одни считают писателя чуть ли ни апологетом социалистической утопии, другие — ее противником. Так, Э. Найман пытается примирить два этих подхода и выдвигает концепцию «двойного утопизма»: к 30-м гг. «Платонов мучительно прощался со своим юношеским понятием утопии, он старался заставить себя примириться с другой утопией — сталинской» [Найман: 236]. В. А. Чаликова менее категорична и характеризует развитие Платонова как движение в обратном направлении: «На первый взгляд, его творчество — это движение от чудовищного утопизма ранней публицистики к откровенному антиутопизму “Чевенгура” и “Котлована”. При более глубоком анализе творчество Платонова — насквозь трагическое — целено в своем напряжении постичь отношения мечты и реальности», но при этом «понятия “утопии” и “антиутопии” как-то чужды <...> внежанровому художественному мышлению Платонова, он не ищет баланса утопии и антиутопии» [Чаликова: 162–163]. Согласиться с обоими утверждениями нельзя, учитывая, во-первых, сложную природу утопизма Платонова, не позволяющую делать таких однозначных выводов, к каким приходит Э. Найман, во-вторых, то, что жанр, на наш взгляд, является основополагающей категорией для творческого сознания А. Платонова (подробнее см.: [Заваркина, 2015a]).

Существуют и другие определения жанра произведений писателя. Так, М. Золотоносов находит в творчестве писателя «какотопию» и называет А. Платонова «первым какореалистом» [Золотоносов: 88]. Какотопия — это разновидность антиутопии, дословно с греч. «какός τόπος» — плохое, злое место; страна зла⁶. На наш взгляд, целью Платонова было не изображение

советской России как плохого, дурного, злого места, а реальное воспроизведение действительности 1920–1930-х гг. Социализм был надеждой и мечтой писателя, однако соблюдать политический и художественный баланс ему было сложно, отсюда все проблемы с цензурой, но, главное, — в произведениях писателя важен диалог, а не монолог, сомнение, а не уверенность. Произведения А. Платонова называли «пасквилем» на советскую действительность, хотя они, прежде всего, свидетельствовали о сложных и противоречивых исканиях Платонова-художника и Платонова-гражданина.

Нельзя согласиться и с другой распространенной концепцией творчества писателя, предложенной еще В. Васильевым, согласно которой в период написания повести «Эфирный тракт» (1926–1927) «умирал утопический писатель и рождался реалистический художник» [Васильев: 67], так как повести 1930-х гг. нельзя назвать антиутопиями или «чисто» реалистическими произведениями. Так, по мнению Д. А. Дьякова, в повести «Хлеб и чтение» Платонов «описывает утопию в становлении, ей всегда угрожают внешние силы хаоса и ее собственные внутренние противоречия. Писателя не интересует завершенная утопия как таковая» [Дьяков: 52]. По замечанию Х. Гюнтера, «в отличие от классических антиутопий, в которых идеальная стадия развития общества уже существует в готовом виде, утопическая структура в платоновских произведениях находится в становлении и одновременно в распаде» [Гюнтер: 9]. Это приводит к противоречию формы и содержания: О. Меерсон пишет о подсознательной «коррекции» писателем «собственного утопического мышления» через «язык»: так рождаются произведения «антиутопические <...> по форме и утопические (то есть социалистические) по содержанию» [Меерсон: 72].

Чтобы отразить «диалектику противодействующих тенденций» [Гюнтер: 11] внутри сюжетной структуры произведений Платонова, исследователи нередко употребляют термин «метаутопия», где греческая приставка «мета» означает некий «переход», «перемену состояния». Впервые этот термин предложил Г. Морсон в работе «The Boundaries of Genre: Dostoevsky's Dairy of Writer and the Tradition of Literary Utopia» (1981):

«Исследуя творчество Достоевского, Морсон определяет термином “метаутопия” такой тип текста, который принципиально открыт и в котором утопические и антиутопические элементы, сталкиваясь, сосуществуют, и при этом ни один из них не доминирует. Утопия пародируется антиутопией, и наоборот. Морсон не упоминает Платонова в своей книге, но, пожалуй, именно платоновские тексты представляют собой наилучшую иллюстрацию понятия “метаутопия”» [Будин: 156]. По мнению П. А. Будина, от Достоевского Платонова отличает в первую очередь тот факт, что разрыв между утопией и антиутопией у него «немного больше <...> и отношение между этими двумя элементами не оставляет никакой возможности для диалога — здесь место для конфронтации» [Будин: 156]. «Метаутопиями» называет произведения Платонова В. Чаликова, несмотря на ее «внежанровую» установку восприятия текстов писателя [Чаликова: 162].

В последнее время появились исследования, посвященные анализу повести «Хлеб и чтение», в которых поднимается в том числе и вопрос о внутрижанровой типологии утопии у Платонова (см.: [Геллер, 2015, 2019], [Дьяков], [Казаркин], [Чубаров, 2012], [Каминский]). В монографии К. Каминского повесть «Хлеб и чтение» рассматривается в контексте некоего общего «нарратива об электрификации» в творчестве писателя с 1921 по 1931 г. [Каминский: 5]. При определении двойственной позиции Платонова в повести «Хлеб и чтение» исследователи также склоняются к термину «метаутопия». Так, Д. А. Дьяков, говоря о философии техники в творчестве писателя, указывает на возможный «метатехнологический дискурс» у Платонова как разновидность «метаутопии» [Дьяков: 50]. А. П. Казаркин употребляет в этом случае другой термин, не очень удачный, — «дистопия»: «Сюжет “Технического романа” — диалог утопии и дистопии, рассредоточенный на всех уровнях художественного мира, требующий изображения обыденности и не предполагающий гротескного укрупнения» [Казаркин: 120]. В отличие от Е. Замятина и Д. Оруэлла, чьи произведения, хоть и с определенными оговорками, можно назвать «дистопиями», где утопический мир с его негативными последствиями

показан уже сформированным, у А. Платонова нет дистопий в прямом смысле этого слова.

Более точным термином, на наш взгляд, является термин «утопия-антиутопия», предложенный Х. Гюнтером: во-первых, он отражает полюса, между которыми балансирует творческое сознание Платонова, во-вторых, приставка «мета» в слове «метаутопия» размывает границы, так как имеет еще одно значение — «обобщенность», «абстрагированность». Кроме того, в произведениях Платонова, и здесь мы снова согласимся с Х. Гюнтером, лучше говорить не о «диалоге» утопии и антиутопии, а об их конфликте и противостоянии, что приводит «к парадоксальной смеси сатиры и трагичности» [Гюнтер: 11]. Е. Яблоков называет этот художественный механизм текстов Платонова «и так, и обратно»; он создает «эффект амбивалентного, “лирико-сатирического” авторского отношения к изображаемому» [Яблоков: 14].

Платонов признавался, что никогда не стремился быть сатириком⁷, тем более не писал пародий на советскую действительность, однако в повести «Хлеб и чтение» утопическое сознание воплощается в форме антиутопии, что приводит к амбивалентности смысла, к появлению внутренних антиномий, а значит — к противоречивости изначального замысла. Это проявляется в построении системы персонажей, особом типе сюжетной ситуации, в названии повести и эпиграфе. Конфликт утопии и антиутопии начинается в произведении с дуализма системы персонажей: как мужских образов (Душин и Щеглов), так и женских (Лида и старуха).

Семен Душин и Дмитрий Щеглов — два героя с разным подходом к жизни, технике и человеку. Душин мечтает построить в деревне электростанцию, способную не только давать бесперебойно свет в избы, но и помогать крестьянам в мелиоративных мероприятиях. Казалось бы, в его мечте нет ничего утопичного: подобные проекты воплощались по всей Советской России и вполне удачно. Сам Платонов часто говорил о себе: «Я человек технический»⁸, а его многочисленные патенты на изобретения свидетельствуют о том, что интерес писателя к технике и ее участию в построении будущего общества был вполне реалистичным. Однако надежды, которые связывал

Платонов с электрификацией, не столько технические, сколько метафизические: «...электрический свет и электрический двигатель не только дадут нам вечный день и хлеб, но дадут и новую человеческую товарищескую душу»⁹. Как пишет К. Баршт, «энергетику Платонов считал сверхнаукой, предлагая для нее название “электрология”» [Баршт: 76]. В статье «Электрификация деревень» А. Платонов употребляет слова «электрификация» и «коммунизм» в одном ряду, как бы подтверждая известные слова Ленина: «Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны». При этом Платонов подчеркивает, что «за границей давно знают и электрификацию, и коммунизм, но знают в мозгах, не дальше, мы же изменяем землю, мы даем жизнь мертвым мыслям, у нас электричество горит в хатах, а не в фантазии»¹⁰. Возвращаясь к этой теме через десятилетие в повести «Хлеб и чтение», Платонов смотрит на проблему уже иначе. Да, не всякая мечта является утопией: в истории технического прогресса мы наблюдаем, как мечты нередко становятся реальностью. Однако надежда писателя на то, что повсеместное распространение электричества приведет в конечном итоге к улучшению нравственного состояния человека, были утопичны, в чем Платонов признавался в 1934 г. в статье «О первой социалистической трагедии»: «...сам человек меняется медленнее, чем он меняет мир. Именно здесь центр трагедии. <...> Социализм можно трактовать как трагедию напряженной души, преодолевающей собственную убогость, чтобы самое далекое будущее было застраховано от катастрофы»¹¹.

Герои Платонова мечтают о том времени, когда техника, природа и человек будут пребывать в гармоничных отношениях, помогая друг другу в преодолении всеобщей энтропии. Именно поэтому Платонова интересует не только проблема взаимоотношений человека и природы, но и человека и техники. По мнению Д. А. Дьякова, если «в ранних текстах Платонова представлена своего рода технодицея», то «в более поздних картина отношений человека и техники усложняется: происходит возвращение к человеку как к главной ценности мироздания» [Дьяков: 50], но при этом «к человеку Платонов более требователен, чем к технике» [Дьяков: 56]. Техника в произведениях писателя оказывается включенной

в антропологическую картину мира и приобретает человеческие черты. Знаменательно, например, что в самом начале повести «Хлеб и чтение» мы видим изображение паровоза, на котором прибывают герои, как живого существа: он «измучен», «походил немного на человека», а в конце пути «умирает» (887). Что же касается человека, то он, наоборот, у Платонова часто превращается в машину, без души и сочувствия. На этом опасном пути и находится один из главных героев с парадоксальной, на первый взгляд, фамилией «Душин». Масштаб цели Душина, а также средства ее достижения приводят к тому, что реальность начинает «ускользать» от героя. В начале повести он в духе времени считает, что именно «от электричества в соломенной грустной избушке, может быть, начнется весь социализм» (889), однако постепенно Душин смиряется с мыслью, что в этой борьбе за будущее счастье придется «истратить без жалости в бою и в труде одно или два поколения» (932), что не только характеризует его собственную утопию как «любовь к дальнему»¹², но и вводит в произведение традиционный для Платонова мотив строительной жертвы.

Для сознания Душина характерен «принцип надежды», который является основным принципом утопического мышления (см. об этом: [Блох]). Он мечтает «превратить» эту «надежду в вещество» (889), в том числе в электричество. Мотивировкой его действий станут две встречи: с Лидой Вежличевой, в которую он влюбляется, и со старухой в сцене крестного хода. Два центральных женских образа выстроены в повести по традиционному для Платонова принципу контраста-сближения: молодое, теплое, растущее тело Лиды (899) противопоставляется старому, остывшему, уменьшающемуся телу старушки (898–899). По мнению В. Шенталинского, образ старухи-труженицы в повести есть не что иное, как образ матери-земли, а народ-сирота (какими предстают крестьяне в произведении) — «главное художественное открытие Платонова» [Шенталинский: 291–292]. Добавим, что старушка несколько раз сравнивается с ребенком: она «ростом с ребенка» (898), у нее «детские мелкие ноги» (899), она «как восьмилетняя девочка» (899). В повести «Хлеб и чтение» образ старухи-ребенка связан

не только с образом народа-сироты, но и с образом народа-ребенка, одинаково нуждающегося и в спасении, и в Отце (позже этот образ возникнет в повесть «Джан»). В какой-то степени снимает контрастность двух женских образов беременность Лиды (она носит в себе «початок ребенка» (919)).

Противопоставление образов Лиды и старухи согласуется в повести с главной проблемно-тематической оппозицией, выведенной на уровень заглавия, — «хлеб / чтение», в результате чего оппозиционность последней снимается¹³. Говоря о Лиде, повествователь больше делает акцент не на том, что она голодает, а на том, что она не очень умна и не хочет учиться (908). В образе старухи, наоборот, обращает на себя внимание ее усохшее от голода тело. Таким образом, обе героини, несмотря на явные контрастные черты, являются единым целым для мотивации дальнейших действий Душина по осуществлению мечты дать народу с помощью электричества и чтение (просвещение), и хлеб, в которых народ одинаково нуждается. Как утверждают Н. Малыгина и И. Матвеева, «вопрос о том, что важнее — хлеб или чтение, материальное или духовное, был в те годы далеко не праздным, по мнению Платонова, первое невозможно без второго» [Малыгина, Матвеева: 556]. И. Чебаров же, наоборот, считает, что ко времени написания повести «свою первоначальную идею о том, что сначала надо провести электрификацию, а уже потом ожидать рождения великой пролетарской культуры, Платонову пришлось серьезно корректировать» [Чебаров, 2010: 99]. Подобная противоречивость восприятия одного и того же текста А. Платонова также свидетельствует о конфликте утопии и антиутопии в поэтике повести.

Платонов вводит в повествование два сатирических образа: заведующего комитетом партии Чуняева и председателя сельсовета деревни. Учитывая сложное отношение Платонова к сатире, о чем говорилось выше, можно сделать вывод, что именно эти образы важны для уточнения авторской позиции в произведении. И Чуняев, и председатель сельсовета выражают ту же идею, что и Душин, только пародийным способом: первый — смешными лозунгами, второй — нелепыми стихами. После того как Душин рассказывает Чуняеву свой план

электрификации деревни, тот восторженно вторит главному герою: «Пускай рабочий класс поработает с мирозерцанием, а не с балдой, пускай электричество-сволочь теперь помучается» (890). Он и известную фразу редуцирует так, что получается комический эффект (который, кстати, присутствует и в словах Ленина, герой лишь подчеркивает его): «...сделаем электричество, и весь коммунизм готов» (890). В его словах слышится пародия как на утопию Н. Федорова, так и на марксистскую философию: «Мы дознаемся с точностью, откуда человек произошел: от обезьяны или еще хуже! Мы всех мертвецов выкопаем, самого ихнего начальника Адама найдем, на ноги его поставим и спросим, ты откуда явился жить, либо Бог, либо Маркс <...> Если скажет правду, Еву ему воскресим, а нет — будем перевоспитывать» (891).

Председатель сельсовета облекает идеи Душина в нелепые стихи: «Не время сна, не время спать, пора весь мир уж постигать и мертвых с гроба поднимать» (900). Мотив строительной жертвы звучит в его устах как жестокая насмешка: «Пускай наука только каплю даст, мы выжмем море туловищем масс!» (902). Уложив спать голодных детей, он сам засыпает «со счастливым лицом» (904), а наутро, не успев открыть глаза, снова размышляет оптимистичными стихами: «Пора не только жизнь страдать, но также хлеб во рту жевать» (904). Права О. Меерсон, обнаружившая у Платонова принцип «неостранения» в противовес «приему остранения» (В. Шкловский): если «остранение показывает обыденное как незнакомое», то «неостранение — это отказ признать, что незнакомое или новое необыкновенно, причем сам этот отказ <...> часто приобретает вопиющие формы и <...> никогда не бывает эстетически нейтрален» [Меерсон: 8]. Подобное «неостранение» у Платонова происходит и с «серьезными» вещами, такими, как смерть или насилие [Меерсон: 86]. Важна и функция «неостранения» — «вовлечение читателя в нравственную ответственность за происходящее в произведении, включая мнения и поступки героев, то есть за то, что именно он, читатель, счел нормальным и на чем, таким образом, попался» [Меерсон: 9–10]. Иными словами, сцена, где наличествует явный диссонанс между засыпающими голодными детьми и счастливым

отцом, сочиняющим нелепые стихи, — явный пример «неостранения» трагического в поэтике произведения. Трагическое воспринимается здесь как данность, с которой приходится жить. Именно сатирический момент (стихи) делает трагедию нормой, но только еще более чудовищной.

Несмотря на свой «принцип надежды», Душин боится, что все его действия будут напрасны и «наука увидит, в конце концов, что мир состоит из одних вопросов» (891). Именно поэтому он мечтает о таком времени, когда «всемирно-историческая истина», «фактическая, вещественная и прочная», будет «заперта» (как бы «задушена», если отталкиваться от семантики фамилии героя) в «вечном складе» (919). Душин и свою любовь заключает в темнице: материализованным знаком этого плена является сторожевая тюремная башня, в которой какое-то время проживают Душин с Лидой и которую повествователь называет «тюремной квартирой» (911). Фамилия героя «говорящая» и амбивалентная одновременно: не только от слов «душить» и «душно», но и от слова «душа»: ведь он готов пожертвовать своей жизнью и своим личным счастьем ради будущего счастья других. Поэтому и восприятие героя в исследовательской литературе «двоится». Еще В. Шенталинский, сравнивая рассказ «Родина электричества» и повесть «Хлеб и чтение», пришел к выводу, что в повести, в отличие от рассказа, «авторское “я” <...> разделено между двумя главными героями — Душиным и Щегловым, и никто не владеет истиной, все ее только ищут», что Душин — это «взгляд» Платонова «на себя — прежнего, фанатичного, даже безжалостного в стремлении к идеалу» [Шенталинский: 287]. По мнению А. П. Казаркина, Душин — «тип положительного героя соцреализма, овеществляющий душу, ожесточается и нравственно деградирует» [Казаркин: 110]. И. Чебаров считает, что «изъян Душина состоит в том, что внутри собственного машинного мифа он сам невольно автоматизировался» [Чебаров, 2012], а реальными прототипами Душина называет Богданова и Гастева, а также отмечает важную роль идей Пролеткульта в контексте произведения. Нам ближе точка зрения, представленная в комментарии к публикации повести в Собрании сочинений А. Платонова: «Душин — автобиографический персонаж. Он изображен

автором с большой симпатией и вместе с тем с иронией» [Малыгина, Матвеева: 557].

Если Душин находится в плену собственных иллюзий, то его товарищ Щеглов олицетворяет внутреннюю свободу, недаром он сравнивает пение птиц с «голосом свободы» (905). Фамилия «Щеглов» также наполнена амбивалентными смыслами: с одной стороны, «птичьи» коннотации ассоциируются со свободой, с другой — важен тот факт, что, во-первых, щеглы живут и в неволе, а во-вторых, то, что одна рука (крыло) у героя недействующая, а значит, он не способен летать / мечтать / парить в облаках, как Душин. Образ птицы, не способной летать, может символизировать как ограниченность человека в возможности реализовать мечту, так и «заземленность» реализма Щеглова: именно он находит более экономный вариант проведения в дома электричества. Кроме того, Дмитрий Щеглов не разделяет позиции Душина о необходимости «истратить» «одно или два поколения» (932) для будущего счастья, и видит страшное «истощение людей во взаимной истирающей суете» (889); ему не нравится «гордость Душина, стремившегося к абсолютному техническому завоеванию всей вселенной» (924).

Образы главных героев, как и женские образы, выстроены по принципу «контраста-сближения». Их противопоставление можно увидеть на примере разного отношения к Лиде Вежличевой. Вообще, способность любить становится у Платонова важной характеристикой человека: писатель «полагает, что проблема любви и проблема техники находится не просто в ассоциативной связи, а взаимно обуславливают друг друга, не решаясь по отдельности» [Чебаров, 2012]. Так, Душин сначала пугается стихийности своего чувства к Лиде: любовь и женщина являются для него загадкой, которую он не в силах разгадать; однако позже герой начинает относиться к Лиде утилитарно, используя ее тело для удовлетворения своих мужских потребностей. Любовь отвлекает Душина от написания книги, Щеглову же, наоборот, не нравится шум поездов за окном, потому что он мешает «тишине его разговора» с девушкой (907). Несмотря на попытки Лиды сблизиться с Щегловым, между героями ничего не происходит — возможно потому, что Щеглов воспринимает Лиду не как женщину, а как «ангела на церковной

стене» (908), как «святыню» (913). Щеглов относится к Лиде как к матери будущего ребенка: знаменательно, что он знает о беременности Лиды, а Душин, отец, нет. Писатель буквально воплощает идею своих статей воронежского периода о двух типах отношения к женщине: как к «полу» и как к «матери», — это противопоставление возникло у молодого Платонова после знакомства с книгой О. Вейнингера «Пол и характер» (1902). Но, в отличие от Вейнингера, ненавидящего женщину, Платонов возвышает образ матери, которая становится почти тождественной Богоматери и даже превосходит образ Христа: родив в мир Сына, она, по мнению писателя, искупает грехи человечества, ибо «есть живое, действенное воплощение сознания миром своего греха и преступности»¹⁴.

Образ Богоматери появится в повести «Хлеб и чтение» в сцене крестного хода, когда богомольцы несут икону, изображающую Богоматерь, которая «смотрела без смысла, без веры» (898). Важно, что Богоматерь изображена без Младенца. С одной стороны, это знаковая для советского безбожного времени деталь, ведь и сам крестный ход жители деревни устраивают не из побуждений веры, а по привычке. Богородица же, изображенная на иконе, по определению рассказчика, — «неверующая рабочая женщина» (898). С другой стороны, Мать без Младенца может символизировать бесплодность всех попыток Душина воплотить свою мечту. В. Лепяхин, например, не воспринимает икону в повести как икону: это «картина в духе критического реализма» — так у Платонова «переплетаются две излюбленные темы: материнство и вечная ценность всякого трудового человека» [Лепяхин: 67]. А. Ю. Грязнова, анализируя рассказ «Родина электричества», где дублируется сцена крестного хода, добавляет, что с Богородицей сравнивается и старуха, однако тоже без всякой надежды на спасение: «Родина, земля, Богородица, мать — это разные воплощения одного и того же жизнедающего начала, функционирование которого в рассказе Платонова оказывается нарушенным: земля не приносит урожая, Богородица не является матерью, а Родина оказывается пространством сиротства» [Грязнова: 39]. Но именно изможденная от голода старуха оказывает сильное

влияние на Душина, такое сильное, что он решает «посвятить ей жизнь» (900).

Душин и Щеглов не только противопоставлены в повести, они имеют и черты двойничества, об этом свидетельствует эпиграф — первые слова из пушкинского стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829). Трактовки образа рыцаря из эпиграфа повести в исследовательской литературе варьируются — от образа Дон Кихота («эпиграф <...> высвечивает его благородство и одновременно чудачество Дон-Кихота, граничащее с юродством» [Малыгина, Матвеева: 557]), до скупого рыцаря («в финале романа Душин напоминает Скупого Рыцаря» [Казаркин: 111]). Однако важно учитывать все же сам источник цитаты. Н. В. Корниенко считает, что первая строка стихотворения Пушкина стала у Платонова «одним из философско-эстетических кодов повествования 1931 г. о почти легендарных событиях десятилетней давности. “Одно виденье, непостижное уму” (Пушкин) владеет героями повести — это “виденье” новой России, преодолевающей через электрификацию все ее исторические, социальные и экзистенциальные бездны» [Корниенко, 2000: 741].

В произведении Пушкина рисуется образ рыцаря-аскета, решившего после встречи с Девой Марией, посвятить свою жизнь служению ей, так что «с той поры, сгорев душою, / Он на женщин не смотрел»¹⁵. Для Душина такой встречей станет встреча со старушкой во время крестного хода: он решает посвятить жизнь ей, а не молодой Лиде. Выбор героя обусловлен его отношением к любви в целом: Душин в конце концов начинает воспринимать любовь как обузу, которая отвлекает его от главного — строительства электростанции. По мнению И. Чебарова, «это делает понятным его выбор в качестве цели жизни лишенной всех половых признаков старухи — жертвы труда и насилия старого мира» [Чебаров, 2012]. В стихотворении Пушкина тоже делается акцент на том, что рыцарь не приносил молитвы ни Богу-Отцу, ни Сыну, а только Деве Марии, так что перед смертью бес собрался уже тащить его в ад. В образе Девы Марии у Пушкина исследователи обнаруживают сочетание христианской (культ Богоматери)

и западноевропейской традиции (культ Прекрасной Дамы) (см., например: [Фомичев], [Ветловская]).

Если для Душина образ Богоматери без Сына становится свидетельством несправедливости и неустроенности мира, а старушка имеет черты не только ребенка, но и матери, которая нуждается в помощи сына, то для Щеглова Лида становится воплощением образа Прекрасной Дамы. Примером куртуазного романа в европейской литературе был роман неизвестного автора «Фламенка», в котором главную героиню, запертую в башне ревнивым мужем, спасает рыцарь. Лида также замужем за Душиным и живет в башне, бывшей тюрьме. В то же время нужно согласиться, что эпитафия указывает и на главную черту характера как Душина, так и Щеглова, — их донкихотство как служение идеалу, которое порой оказывается борьбой с ветряными мельницами. В финале повести (сцена выступления Душина с докладом об электрификации) происходит примирение двух позиций — Душина и Щеглова: они объединяются против профессора Преображенского, который (вопреки семантике своей фамилии) не верит в возможное преображение мира и человека после распространения электричества. Таким образом, оба героя служат утопии, но если утопизм Душина рациональный, то Щеглова — сердечный: противостояние сознания и сердца — основная коллизия практически всех произведений Платонова.

Рационализм Душина и сердечность Щеглова объединяются в двойственной характеристике главного героя второй части трилогии (повесть «Ювенильное море») — Николая Вермо. Важно учитывать, что повесть «Хлеб и чтение» рассматривалась писателем в одном сюжетном и жанровом ряду именно с этой повестью: произведения не только дополняют, но и как бы «поясняют» друг друга (более подробно о «взаимовлиянии» повестей друг на друга см.: [Заваркина, 2015b]). Л. Геллер также считает, что повесть «Хлеб и чтение» можно рассматривать по отношению к «Ювенильному морю» как «своеобразный комментарий» [Геллер, 2019: 139].

Один из героев повести «Ювенильное море» надеется, что электричество даст человеку не только хлеб и чтение, но и свободу, что при коммунизме «механизмы вступят в труд

и освободят людей для взаимного увлечения»¹⁶. В финале повести «Хлеб и чтение» именно тюрьму (символ несвободы) начинают перестраивать в электростанцию (929), что знаменательно. Мотив свободы коррелирует в повести «Ювенильное море» и с образом главной героини — Надежды Босталоевой: Л. Геллер, находит в основе фамилии героини тюркское «бостан, боштон», что означает «свобода» [Геллер, 2013: 125]. Имя же «Лидия» исследователь связывает с именем «первой в Европе женщины, обращенной в христианство апостолом Павлом» [Геллер, 2015: 121]. Важно, что, в отличие от Лиды Вежличевой, вынашивающей ребенка, Надежда Босталоева, наоборот, делает аборт: выбор героини актуализирует в подтексте опасение, что надежда на обретение свободы окажется бесплодной.

Свобода как характеристика нового человека эпохи всеобщей электрификации в повести «Хлеб и чтение» тоже пока остается под вопросом. «Но где свобода?» — таким вопросом задается в финале Щеглов. Ответ словно бы дает сам автор: «Она лежит далеко в будущем — за горами труда, за новыми могилами мертвых» (936). В такой концовке мало надежды, но много правды: «Пафос зрелого Платонова не скепсис (как думает М. Геллер), не “надрывно-больной сарказм” (Ю. Нагибин), даже не трагическая ирония: слишком серьезна тема. <...> ...не бунт в безысходности (И. Бродский)», а «смирение перед жизнью, восстановление естественной нормы» [Казаркин: 112, 118]. Кроме того, в таком финале исследователь увидел отказ зрелого Платонова и от утопии Н. Федорова [Казаркин: 115–116]. Как «декларацию расставания с Федоровым» рассматривает повесть «Хлеб и чтение» и Л. Геллер [Геллер, 2015: 128]. Х. Гюнтер придерживается более «мягкой» позиции: «Философия общего дела» остается, по его мнению, «настойной книгой Платонова», но смещается акцент — «с утопического космизма на осмысление роли памяти в развитии послереволюционной России» [Гюнтер: 42].

Кроме системы персонажей и заглавия, значимым для платоновской прозы является и тип сюжетной ситуации. Произведения писателя часто называли «бессюжетными», хотя Х. Гюнтер, наоборот, пишет о «процессуальности сюжета» как особой характеристике жанра утопии-антиутопии у Платонова

[Гюнтер: 9]. Действительно, гносеологическая, онтологическая и в целом философская проблематика произведений писателя делает более значимым сюжет «второго смысла»¹⁷. Н. М. Малыгина особенностью «метасюжета» Платонова называет его содержательную двуплановость (объединение небесного и земного, бытийного и бытового) [Малыгина: 275]. Н. В. Корниенко рассматривает повести писателя как философско-психологическое единство [Корниенко, 1986]. Повести А. Платонова 1930-х гг. объединяет общий сюжет «испытания»¹⁸, в каждом произведении неразрывно связанный с философской или этической проблематикой. О сюжете «испытания» как о художественной доминанте жанра повести в целом пишет С. А. Тузов [Тузов: 12].

Поскольку повести «Хлеб и чтение» и «Ювенильное море» задумывались как части трилогии, то, на первый взгляд, для них должен быть характерен один и тот же тип сюжетной ситуации. Однако если в повести «Ювенильное море» можно выделить сюжет «испытания надежды» (подробнее см.: [Заваркина, 2015a]), то в повести «Хлеб и чтение» слово «надежда» употребляется всего несколько раз и в сочетании со словами «счастье» и «свобода». Причем «счастье», как и «свобода», чаще всего ассоциируется с будущим временем. Именно по отсутствию счастья в художественном пространстве повести можно от противного судить о главном сюжете произведения — сюжете «испытания счастья». Так, по мнению Душина, «мир стоит в стороне от счастья» (896), а Лида даже пытается покончить жизнь самоубийством, так как не уверена «в счастье жизни» (897), хотя именно «мысленное выражение счастья на легком лице» (893) девушки и привлекло к ней Душина в начале повести. Единственным героем, кто чувствует себя по-настоящему счастливым, является влюбленный Щеглов, но и это — временное явление. Душин же в свою очередь уверен, что он знает «способ учреждения повсеместного счастья» — это «электричество» (910), и, в отличие от Щеглова, чувствует себя счастливым не из-за любви, а потому что находит деньги для воплощения своей мечты, разграбив богатый склеп принца Мекленбург-Шверинского (919). В данном случае Платонов для разоблачения утопии героя вводит в сюжет мотивы авантюрного романа (в повести

«Ювенильное море» разоблачению утопии Вермо служили элементы фантастики и гротеска).

Душин считает, что в мире неустроенного социализма еще рано и стыдно думать о личном счастье: ему «никто не требовался — ни жена, ни человеческий друг» (919), именно поэтому герой избавляется от своего чувства к Лиде, а позже, узнав, что она растратила часть денег на наряды (что, кстати, приносит девушке долгожданное счастье (925)), и вовсе выгоняет ее. Щеглов же так и не признается Лиде в любви, а лишь остается жить в надежде увидеть когда-нибудь в будущем счастливыми ее и родившегося ребенка, а себе обещает жить и работать, чтобы ее ребенок «застал на свете счастье, а не горе» (930). Однако именно Лида обнаруживает утопизм мечты Душина-Щеглова: в финале она уезжает в Москву, в которой, как она сообщает в письме, оказывается, уже давным-давно везде электричество.

По мнению Х. Гюнтера, в 1930-е гг. Платонов все равно «остается утопистом, несмотря на то, что советская реальность все более отдаляется от его идеалов» [Гюнтер: 20]. А. П. Казаркин придерживается противоположной позиции: «“Технический роман” позволяет говорить об окончательном преодолении утопического мышления, а затем о переходе писателя к христианской историософии и ретроспективной утопии, о чем свидетельствует и смена хронотопов» [Казаркин: 107]. Однако повесть не позволяет делать таких однозначных выводов, так как в финале герои остаются ориентированными на «дальнего», в пространстве все той же утопической мечты. Таким образом, в структуре произведения мы, действительно, наблюдаем постоянный переход от утопии к антиутопии и обратно.

Несмотря на то, что в повести «Хлеб и чтение» утопическое оказывается сильнее антиутопического, это не означает, что «революционное прошлое» автор пытается «романтизировать или идеализировать» [Варламов: 239]. Однако именно в нем Платонов ищет «духовную опору, когда на рубеже 1920-х — 1930-х годов народная сила вновь начала убывать, и трагедии этого истощения были посвящены и “Котлован” и пьеса “14 красных избушек» [Варламов: 239]. А. Варламов считает, что «Технический роман» стал «не столько идеологическим,

сколько психологическим, личностным выходом» Платонова «из “Котлована”» [Варламов: 239]. Н. В. Корниенко рисует обратную картину: причину незавершенности «Технического романа» исследователь видит, в том числе, в работе Платонова над повестью «Котлован», ставшей «хранилищем» для повестей «трилогии» [Корниенко, 2000: 741].

В повести «Хлеб и чтение» отразились надежды и сомнения самого писателя, и если «принцип надежды» является основным принципом утопического сознания, то сомнение Платонова становится основной чертой его антиутопической стратегии, что приводит, однако, не к «разбалансировке» сил, а к кроткому осознанию писателем места человека в мире и его ограниченных возможностей. Возможно, Платонов, действительно, предполагал сделать третьей частью трилогии «Технический роман» повесть «Джан» (первоначальное название «Инженер»), потому что именно в «Джане» воплощен тот финал, о котором мечтали и Душин, и Щеглов в «Хлебе и чтении». Назар Чагатаев спасет и накормит народ-сироту джан, даст ему возможность «пустить корни» (мечта Душина), а затем обретет личное счастье с дочерью погибшей Веры — Ксенией (мечта Щеглова о будущем счастье с дочерью Лиды). Но возможен и другой вариант: Платонов оставляет «Технический роман» незавершенным, так и не найдя выход из «тупика утопии». Кроме того, к этому времени у него появился замысел следующего романа, перенявшего многие темы, мотивы и образы повести «Хлеб и чтение», — «Счастливая Москва».

Примечания

- ¹ Платонов А. Технический роман / предисл., сост., публ. В. А. Шенталинского. М., 1991. С. 6–34 (Библиотека журнала «Огонек». № 28).
- ² Несмотря на то, что В. Шенталинский ошибся в хронологии написания повести «Хлеб и чтение» и рассказа «Родина электричества», он был первым, кто сравнил оба произведения и сделал важное наблюдение, ставшее впоследствии распространенной характеристикой платоновской работы над текстом: «Несколько страниц почти совпадают — это вообще характерно для Платонова: вариантность темы, отпочкование сюжетных линий, клеточное деление образов, неопределенность исхода» [Шенталинский: 286].
- ³ Платонов А. Технический роман. I. Хлеб и чтение / публ. В. Гончарова и Н. Корниенко // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы

творчества. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. Вып. 4. С. 885–936. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

- ⁴ Платонов А. П. Хлеб и чтение // Платонов А. П. Эфирный тракт: Повести 1920-х — начала 1930-х гг. / под ред. Н. М. Малыгиной. М.: Время, 2011. С. 433–512.
- ⁵ В автобиографии 1924 г. Платонов признавался: «Засуха 1921 г. произвела на меня чрезвычайно сильное впечатление и, будучи техником, я не мог уже заниматься созерцательным делом — литературой» (Платонов А. П. Возвращение. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 6).
- ⁶ Однако существовал еще «мовизм» В. Катаева (от фр. *mauvais* «плохой, дурной»), противостоявший официозу соцреализма.
- ⁷ Так, на своем творческом вечере в 1931 г., на котором Платонова «прорабатывали за несознательность» после выхода скандальной повести-хроники «Впрок», писатель признавался, что себя сатириком не считает, однако «литературные дискуссии растравливают» в нем «раны иронии» (Стенограмма творческого вечера Андрея Платонова во Всероссийском Союзе советских писателей 1 февраля 1932 г. // Памир. 1989. № 6. С. 118).
- ⁸ Миндлин Э. Андрей Платонов // Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. М.: Современный писатель, 1994. С. 35.
- ⁹ Платонов А. П. Электрификация деревень // Платонов А. Сочинения. Том первый. 1918–1927. Книга вторая: Статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 159.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Платонов А. П. О первой социалистической трагедии // Платонов А. П. Фабрика литературы: Литературная критика. Публицистика / сост., комм. Н. В. Корниенко. Подгот. текста Н. В. Корниенко и Е. В. Антоновой. М.: Время, 2011. С. 642–643.
- ¹² Более подробно о «любви к дальнему» у Платонова см.: [Гюнтер: 95–104], [Казаркин: 109–110].
- ¹³ Следует отметить, что Л. Геллер видит в названии повести не только «намек на римские требования “хлеба и зрелищ”», но и переключку с названием анархистской газеты «Хлеба и воли» [Геллер, 2015: 112].
- ¹⁴ Платонов А. П. Душа мира // Платонов А. Сочинения. Том 1. Кн. 2. С. 47.
- ¹⁵ Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 2. Стихотворения 1823–1836. С. 248.
- ¹⁶ Платонов А. Сочинения. Т. 4. 1928–1932. Кн. 1. Повести. С. 215.
- ¹⁷ В статье «Пушкин — наш товарищ» (1937) Платонов писал об особом подходе поэта к решению темы «Медного всадника»: «... не логическим, сюжетным способом, а способом “второго смысла”, где решение достигается не действием персонажей <...> а всей музыкой, организацией произведения — добавочной силой, создающей в читателе еще и образ автора» (Платонов А. П. Фабрика литературы. С. 78).
- ¹⁸ М. Геллер, например, определяет творчество А. Платонова как «испытание утопии» прошлого, настоящего и будущего [Геллер, 2000: 63].

Список литературы

1. Антонова Е. А. Платонов и история электрификации Воронежской губернии 1923–1924 гг. // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. Вып. 4. С. 760–768.
2. Баршт К. А. Поэтика прозы Андрея Платонова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 320 с.
3. Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление. М.: Прогресс, 1991. С. 49–78.
4. Будин П. А. Библейское, мифическое, утопическое: анализ повести Платонова «Джан» // Творчество Андрея Платонова: исследования и материалы. СПб.: Наука, 2008. Кн. 4. С. 149–156.
5. Варламов А. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. 546 с. (Сер. «Жизнь замечательных людей».)
6. Васильев В. Андрей Платонов. Очерк жизни и творчества. М.: Современник, 1982. 230 с.
7. Ветловская В. Е. «Жил на свете рыцарь бедный...» // Ф. Я. Прийма и вопросы филологии XX века: Исследования. Воспоминания. Материалы. СПб., 2009. С. 33–65.
8. Геллер Л. Наука и миф, гротеск и поэзия: четыре стихии «Ювенильного моря» // Поэтика Андрея Платонова. Сб. 1: На пути к «Ювенильному морю». Белград, 2013. С. 103–133.
9. Геллер Л. За горами труда. На подступах к количественному анализу «Хлеба и чтения» // Поэтика Андрея Платонова. Сб. 2: Новые территории. М.: Совпадение, 2015. С. 110–132.
10. Геллер Л. Землеустройство Андрея Платонова, или пространства в «Хлебе и чтении» // Поэтика Андрея Платонова. Сб. 4: На самой черте горизонта: платоновские пространства. М.: Полимедиа, 2019. С. 131–149.
11. Геллер М. Я. Андрей Платонов в поисках счастья. М.: МИК, 2000. 432 с.
12. Грязнова А. Ю. «Искать дороги друг к другу»: сиротство и родство в прозе Андрея Платонова. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. 193 с.
13. Гюнтер Х. По обе стороны от утопии: контексты творчества А. Платонова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 216 с.
14. Дьяков Д. А. Философия техники в творчестве Андрея Платонова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2014. Вып. 4. С. 50–57.
15. Заваркина М. В. Жанровая стратегия в повестях А. Платонова 1930-х годов // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. Вып. 13: Актуальные аспекты. С. 554–569 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1456407233.pdf (01.10.2020). DOI: DOI 10.15393/j9.art.2015.3402 (a)
16. Заваркина М. В. Повесть А. Платонова «Хлеб и чтение» в контексте повестей 1930-х годов: к вопросу о жанровой стратегии писателя // Жанры в историко-литературном процессе: сб. науч. ст. СПб., 2015. Вып. 6. С. 65–76. (b)
17. Заваркина М., Храмых А. Социалистическая утопия в творчестве А. П. Платонова // Новое литературное обозрение. 2017. № 147. С. 200–213.

18. Золотонос М. Андрей Платонов: первооткрыватель какотопии // Восстание масс: сборник. СПб.: Мидгард, 2005. С. 86–99.
19. Казаркин А. П. «Технический роман» А. Платонова: смена хронотопов // Текст. Книга. Книгоиздание. 2014. № 3 (7). С. 107–122.
20. Каминский К. Электророман Андрея Платонова. Опыт реконструкции. М.: НЛО, 2020. 512 с.
21. [Колесникова Е. И.] Малая проза Платонова / публ. Е. И. Колесниковой // Творчество Андрея Платонова: исследования и материалы. СПб.: Наука, 2000. Вып. 2. С. 254–318.
22. Корниенко Н. В. Повесть Андрея Платонова как философско-психологическое единство // Целостность художественного произведения: межвуз. сб. науч. тр. Л., 1986. С. 27–37.
23. Корниенко Н. От «Родины электричества» к «Техническому роману» и обратно: Метаморфозы текста Платонова 1930-х гг. // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. Вып. 4. С. 739–744.
24. Лепяхин В. Икона в творчестве Платонова // Творчество А. Платонова: исследования и материалы. СПб.: Наука, 2004. Вып. 3. С. 61–82.
25. Малыгина Н. Модель сюжета в прозе А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: Наследие, 1995. Вып. 2. С. 274–286.
26. Малыгина Н., Матвеева И. Комментарии // Платонов А. П. Эфирный тракт: Повести 1920-х — начала 1930-х годов / под ред. Н. М. Малыгиной. М.: Время, 2011. С. 513–558.
27. Меерсон О. «Свободная вещь». Поэтика неостранения у Андрея Платонова. Новосибирск: Наука, 2001. 122 с.
28. Найман Э. «Из истины не существует выхода». А. Платонов между двух утопий // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 233–250.
29. Тузков С. А. Русская повесть начала XX века. Жанрово-типологический аспект. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 304 с.
30. Фомичев С. А. Баллада Пушкина о рыцаре бедном // Фомичев С. А. Пушкинская перспектива. М.: Знак, 2007. С. 101–112.
31. Чаликова В. А. Метаутопия Андрея Платонова // Чаликова В. А. Утопия рождается из утопии: эссе разных лет. London: Overseas Publ. Interchange Ltd, 1992. С. 162–177.
32. Чебаров И. «Литературные» машины Андрея Платонова // Логос. 2010. № 1 (74). С. 90–111.
33. Чебаров И. Элементы машинного синтеза в «Техническом романе» Платонова // Транслит. 2012. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <https://litbook.ru/article/268/> (01.10.2020).
34. Шенталинский В. Рабы свободы в литературных архивах КГБ. М.: Парус, 1995. 390 с.
35. Яблоков Е. А. Принцип художественного мышления А. Платонова «и так, и обратно» в романе «Чевенгур» // Филологические записки. Воронеж, 1999. Вып. 13. С. 14–27.

References

1. Antonova E. A. Platonov and the History of Electrification of the Voronezh Province 1923–1924. In: «*Strana filosofov*» *Andreya Platonova: problemy tvorchestva* [“Country of Philosophers” by Andrey Platonov: The Problems of Works]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., Nasledie Publ., 2000, issue 4, pp. 760–768. (In Russ.)
2. Barsht K. A. *Poetika prozy Andreya Platonova* [Poetics of Andrey Platonov’s Prose]. St. Petersburg, Philological faculty of St. Petersburg State University Publ., 2000. 320 p. (In Russ.)
3. Blokh E. The Principle of Hope. In: *Utopiya i utopicheskoe myshlenie* [Utopia and Utopian Thinking]. Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 49–78. (In Russ.)
4. Budin P. A. Biblical, Mythological, Utopian: Analysis of Andrey Platonov’s Novella “Dzhan”. In: *Tvorchestvo Andreya Platonova: issledovaniya i materialy* [Works of Andrey Platonov: Research and Materials]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, book 4, pp. 149–156. (In Russ.)
5. Varlamov A. *Andrey Platonov*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2011. 546 p. (Ser. “The Life of Wonderful People”). (In Russ.)
6. Vasil’ev V. *Andrey Platonov. Ocherk zhizni i tvorchestva* [Andrey Platonov. Essay on Life and Creative Work]. Moscow, Sovremennik Publ., 1982. 230 p. (In Russ.)
7. Vetlovskaya V. E. “There Lived a Poor Knight in the World...”. In: *F. Ya. Priyma i voprosy filologii XX veka: issledovaniya. Vospominaniya. Materialy* [F. Ya. Priyma and Questions of Philology of the 20th Century: Researches. Memories. Materials]. St. Petersburg, 2009, pp. 33–65. (In Russ.)
8. Geller L. Science and Myth, Grotesque and Poetry: Four Elements of “The Juvenile Sea”. In: *Poetika Andreya Platonova. Sbornik 1: na puti k «Yuvenil’nomu moryu»* [The Poetics of Andrey Platonov. Part 1: On the Way to “The Juvenile Sea”]. Belgrade, 2013, pp. 103–133. (In Russ.)
9. Geller L. Over the Mountains of Labor. On the Approaches to the Quantitative Analysis of “Bread and Reading”. In: *Poetika Andreya Platonova. Sbornik 2: novye territorii* [The Poetics of Andrey Platonov. Part 2: New Territories]. Moscow, Sovpadenie Publ., 2015, pp. 110–132. (In Russ.)
10. Geller L. Land Management of Andrey Platonov, or Spaces in “Bread and Reading”. In: *Poetika Andreya Platonova. Sbornik 4: na samoy cherte gorizonta: platonovskie prostranstva* [The Poetics of Andrey Platonov. Part 4: On the Very Edge of the Horizon: Platonic Spaces]. Moscow, Polimedia Publ., 2019, pp. 131–149. (In Russ.)
11. Geller M. Ya. *Andrey Platonov v poiskakh schast’ya* [Andrey Platonov in Search of Happiness]. Moscow, MIK Publ., 2000. 432 p. (In Russ.)
12. Gryaznova A. Yu. «*Iskat’ dorogi drug k drugu*»: sirotstvo i rodstvo v proze *Andreya Platonova* [“To Search for Ways to Each Other”: Orphanhood and Kinship in the Prose of Andrey Platonov]. Voronezh, NAUKA-UNIPRESS Publ., 2014. 193 p. (In Russ.)
13. Gunther H. *Po obe storony ot utopii: konteksty tvorchestva A. Platonova* [On Both Sides of Utopia: Contexts of A. Platonov’s Works]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 216 p. (In Russ.)

14. D'yakov D. A. The Philosophy of Technology in the Works of Andrey Platonov. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Ser. History and Philology], 2014, issue 4, pp. 50–57. (In Russ.)
15. Zavarkina M. V. The Genre Strategy in A. Platonov's Short Novels of the 1930s. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2015, issue 13: Actual Aspects, pp. 554–569. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1456407233.pdf (accessed on October 1, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2015.3402 (In Russ.) (a)
16. Zavarkina M. V. A. Platonov's Story "Bread and Reading" in the Context of the Stories of the 1930s: to the Question of the Genre Strategy of the Writer. In: *Zhanry v istoriko-literaturnom protsesse: sbornik nauchnykh statey* [Genres in the Historical and Literary Process: Collection of Scientific Articles]. St. Petersburg, 2015, issue 6, pp. 65–76. (In Russ.) (b)
17. Zavarkina M., Khramykh A. Socialist Utopia in the Works of A. P. Platonov. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2017, no. 147, pp. 200–213. (In Russ.)
18. Zolotonosov M. Andrey Platonov: The Discoverer of Cacotopia. In: *Vosstanie mass: sbornik* [The Revolt of the Masses: Digest]. St. Petersburg, Midgard Publ., 2005, pp. 86–99. (In Russ.)
19. Kazarkin A. P. "Technical Novel" by A. Platonov: Change of Chronotopes. In: *Tekst. Kniga. Knigoizdanie* [Text. Book. Publishing], 2014, no. 3 (7), pp. 107–122. (In Russ.)
20. Kaminskiy K. *Elektroroman Andrey Platonova. Opyt rekonstruktsii* [Electroman by Andrey Platonov. Experience of Reconstruction]. Moscow, NLO Publ., 2020. 512 p. (In Russ.)
21. Kolesnikova E. I. Platonov's Small Prose. In: *Tvorchestvo A. Platonova: issledovaniya i materialy* [Works of A. Platonov: Research and Materials]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, issue 2, pp. 254–318. (In Russ.)
22. Kornienko N. V. Novel by Andrey Platonov as a Philosophical-Psychological Unity. In: *Tselostnost' khudozhestvennogo proizvedeniya: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Integrity of the Artistic Work: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Leningrad, 1986, pp. 27–37. (In Russ.)
23. Kornienko N. From the "Homeland of Electricity" to the "Technical Novel" and Back: Metamorphoses of Platonov's Text in the 1930s. In: *«Strana filosofov» Andrey Platonova: problemy tvorchestva* ["Country of Philosophers" by Andrey Platonov: The Problems of Works]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., Nasledie Publ., 2000, issue 4, pp. 739–744. (In Russ.)
24. Lepakhin V. Icon in the Works of Platonov. In: *Tvorchestvo A. Platonova: issledovaniya i materialy* [Works of A. Platonov: Research and Materials]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, issue 3, pp. 61–82. (In Russ.)
25. Malygina N. Model of the Plot in the Prose of A. Platonov. In: *«Strana filosofov» Andrey Platonova: problemy tvorchestva* ["Country of Philosophers" by Andrey Platonov: The Problems of Works]. Moscow, Nasledie Publ., 1995, issue 2, pp. 274–286. (In Russ.)

26. Malygina N., Matveeva I. Comments. In: *Platonov A. P. Efirnyy trakt: Povesti 1920-kh — nachala 1930-kh godov* [Platonov A. P. "Efirny Trakt": Short Novels 1920s — the Beginning of the 1930s]. Moscow, Vremya Publ., 2011, pp. 513–558. (In Russ.)
27. Meerson O. «Svobodnaya veshch'». *Poetika neostraneniya u Andreya Platonova* ["A Free Thing". *The Poetics of Non-Estrangement of Andrey Platonov*]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2001. 122 p. (In Russ.)
28. Nayman E. "There is No Way out of the Truth". A. Platonov Between Two Utopias. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 1994, no. 9. pp. 233–250. (In Russ.)
29. Tuzkov S. A. *Russkaya povest' nachala XX veka. Zhanrovo-tipologicheskii aspekt* [The Russian Short Novel of the Early of the 20th Century. Genre and Typological Aspect]. Moscow, FLINTA Publ., Nauka Publ., 2011. 304 p. (In Russ.)
30. Fomichev S. A. Pushkin's Ballad About the Poor Knight. In: *Fomichev S. A. Pushkinskaya perspektiva* [Fomichev S. A. Pushkin's Perspective]. Moscow, Znak Publ., 2007, pp. 101–112. (In Russ.)
31. Chalikova V. A. Metautopia of Andrey Platonov. In: *Chalikova V. A. Utopiya rozhdaetsya iz utopii: esse raznykh let* [Chalikova V. A. Utopia is Born from Utopia: Essays of Different Years]. London, Overseas Publ. Interchange Ltd Publ., 1992, pp. 162–177. (In Russ.)
32. Chebarov I. "Literary" Machines of Andrey Platonov. In: *Logos*, 2010, no. 1 (74), pp. 90–111. (In Russ.)
33. Chebarov I. Elements of Machine Synthesis in Platonov's "Technical Novel". In: *Translit*, 2012, no. 9. Available at: <https://litbook.ru/article/268/> (accessed on October 1, 2020). (In Russ.)
34. Shentalinskiy V. *Raby svobody v literaturnykh arkhivakh KGB* [Slaves of Freedom in the Literary Archives of the KGB]. Moscow, Parus Publ., 1995. 390 p. (In Russ.)
35. Yablokov E. A. The Principle of Artistic Thinking of A. Platonov "and so, and back" in the Novel "Chevengur". In: *Filologicheskie zapiski* [Philological Notes]. Voronezh, 1999, issue 13, pp. 14–27. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Заваркина Марина Владимировна, *Marina V. Zavarkina*, PhD (Philology), кандидат филологических наук, специалист WEB-лаборатории Института филологии, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7972-2265>; e-mail: mvnikulina@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 20.11.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.02.2021

Принята к публикации / Accepted 01.03.2021

Дата публикации / Date of publication 05.05.2021